

О. И. Ханкевич

АНТИЧНАЯ ДЕМОКРАТИЯ

Уникальность с точки зрения достигнутых греко-римской цивилизацией результатов, ее опыта в строительстве демократии, детальное отражение реалий той эпохи в разнообразных по характеру и содержанию письменных источниках объясняют, почему на долгие столетия античность стала для исследователей своеобразной социологической лабораторией, заповедным полем для теоретических наблюдений и обобщений. События конца двадцатого столетия, связанные с распадом Советского Союза, вызвали новый всплеск интереса к греко-римской демократии, ее политическим и гражданским институтам, методам социальной регуляции. Возникла необходимость «переоткрытия» и переосмысления происхождения самых употребляемых в современности политико-правовых и социальных концептов *демократия, республика, гражданское общество, народ*. Целью данной публикации является обращение автора к вопросу истоков демократии, ее особенностей в античном городе-государстве. Ведь при «накладывании» модели полисной демократии прямого действия на исторические сообщества более поздних эпох, в том числе и на возникшие на постсоветском пространстве государства, обнаруживается, что какие-то институты в них либо отсутствуют, либо присутствуют в ограниченном объеме. Да и междисциплинарный характер подхода к изучению мировой демократической традиции неизбежно приводит исследователей к разным, порой противоположным выводам и обобщениям. Поэтому отправным нашим тезисом является, во-первых, утверждение, что только отказавшись от идеи непосредственного родства античной прямой и современной представительной демократий, можно избежать разного рода заблуждений и aberrаций при изучении данной проблемы. И, во-вторых, признание неотделимости античной демократии от полисной государственности, что позволяет более адекватно реконструировать ее институциональную основу и социальную организацию.

Земледельческая *община* – базовое социальное и хозяйственное звено всех докапиталистических сообществ. Исследователями в области политической антропологии установлено, что социально-политическая и административно-хозяйственная структура известных современной науке протогосударственных и раннегосударственных образований восходит к общинным нормам взаимоотношений и формам взаимосвязей. Раньше чем рассмотреть особенности *античной полисной общины*, выскажем несколько соображений общего порядка. Во-первых, вряд ли будет правомерным выстраивать восходящую линию форм человеческого общежития от элементарной (*первичной*) общины как естественной формы объединения живущих на определенной территории земледельцев до интегрированных надобщинных политических структур типа вожеств (*цифдом*) и ранних государств. На любой стадии древности можно обнаружить и в эпицентре цивилизационного развития, и на его окраинах, и даже на далекой периферии разные типы общинной организации. Во-вторых, древняя община была достаточно замкнутым консорциумом, принадлежность к которому служила в те времена основой человеческой полноценности и гражданского состояния. Это подтверждается историей ближневосточного региона III–II тыс. до н. э., где помимо крупных монархических государств существовали городские и храмовые общины, научное название которых *номовые* (греч. *ном* – область) государства. В клинописных документах появляется устойчивая формула для обозначения принадлежности к такой общине-государству: *человек* (люди) такого-то города (Вавилон, Лагаша, Ниппура, Ура) [1]. То есть уже в эпоху ранней древности признаком территориальной идентичности являлось членство в интегрированной (*вторичной*) общине, вне рамок которой человек терял свою хозяйственную самостоятельность, а значит и статус полноправного общинника. Сведения об этнической и государственной идентичности древних людей ученым предоставляют сохранившиеся в письменных памятниках топонимы, гентилиции и этнонимы. Так, к примеру, в поэмах Гесиода и в стихах Архилоха (VII в. до н. э.) мы впервые встречаем этноним *эллины* для обозначения древнегреческой народности.

В составе крупных государств элементарная община теряет самостоятельность и право распоряжения своими угодьями. Она становится низовой административной и податной единицей, эксплуатируемой центром. Земля общины продается и покупается, появляются аренда и условное землевладение, а свободные прежде общинники превраща-

ются в бесправных подданных. Но в ряде регионов древней ойкумены община как самоуправляемая структура развивалась в виде городских *муниципиев*, *гражданско-храмовых* и *гражданско-территориальных* автономных образований («гражданских» – поскольку в них сохранялся суверенитет народного собрания). Нередко подобную структуру возглавлял «верховный правитель», царек (в посланиях к египетскому фараону такие царьки униженно именуют себя его «младшим братом»). В случае их сакрализации они сами по себе становились, как отмечает Л. С. Васильев, огромной интегрирующей силой [2, с. 162, 174]. Классическим же образцом автономной политической структуры общинного типа считаются греческий *полис* и римская *цивитас*. Хотя в той же Греции, ставшей наряду с Римом в I тыс. до н. э. эпицентром цивилизационного развития, многие племена вели исключительно сельский образ жизни, группируясь по этническому признаку. Несколько этносов могли консолидироваться в более крупные племенные союзы, как это было на севере Балканского полуострова – в Фессалии и Эпире. Такая этно-племенная интеграция характеризуется как неполная, незавершенная форма политической эволюции. В случае трансформации этно-племенных структур в *конфедерации* самые крупные из них могли противостоять полисам-гигантам типа Афин и Спарты. Племена же, интегрированные в рамках греческих полисов, управлялись через их местные округа (в Афинах – *демы*, в Риме – *трибы*). Формирование подобных округов и явилось сутью институализации общественной жизни в античности. Альтернативность путей исторического развития различных обществ нередко сводится в учебной литературе именно к проблеме форм институализации и в итоге – к возникновению государства, т. е. *стейтогенезу*.

Процесс *стейтогенеза* – государственной линии политической эволюции – на практике означал интеграцию сотен и тысяч первичных общин в единое территориальное, хозяйственное и политическое целое. Цель подобной интеграции – создание в экологически благоприятных нишах древней ойкумены упорядоченного сообщества и выработке оптимальных форм его существования. Предпосылками же этого процесса было достижение определенного уровня развития производства с накоплением устойчивого прибавочного продукта, а также благоприятные обстоятельства демографического и социального плана. Демократичность догосударственных и раннегосударственных интегрированных структур объясняется именно тем, что их осно-

вой были земледельческие общины, строившиеся на равноправных горизонтальных связях и отношениях. *Демократия*, таким образом, явилась одним из естественных путей политогенеза в силу устойчивости общинных традиций, основанных на взаимопомощи, коллективизме и солидарности. Причем развитие государственности в Юго-Восточной Европе во многом было обусловлено особенностями ее рельефа: наличие хороших морских коммуникаций обусловило интенсивное развитие международной морской торговли и товарного производства – как ремесленного, так и сельскохозяйственного. В товарном обращении здесь находилась значительная часть произведенной продукции, а не только предметы престижного потребления, как в государствах Древнего Востока. Сопутствующим стейтогенезу явлением было резкое увеличение численности населения в формирующемся полисном государстве. Средством избавления от его избытка и решением проблемы нехватки земли стало широкое колониационное движение греков, вследствие которого ареал античной цивилизации распространился на побережья Эгейского, Средиземного и Черного морей. Римляне пошли иным путем: новые стандарты городской жизни и муниципального (само это слово из латыни, его первоначальный смысл: быть свободным от повинностей – лат. *munus*) устройства они насаждали методом активной завоевательной политики сначала на Апеннингах, а затем и во всем Средиземноморье. Так на исходе древности была создана единая *греко-римская средиземноморская цивилизация*.

С уменьшением роли родственно-клановых и этно-племенных связей и отношений произошло формирование новой идеологии территориальной близости «*своих*», т. е. населяющих данную местность людей. При этом в полисном государстве противопоставление города и деревни практически отсутствовало, они воспринимались как необходимые части единого целого, в котором город выполнял функции центра, контролировавшего и эксплуатировавшего сельскохозяйственную округу. Подавляющую часть населения античного города-государства составляли крестьяне-общинники, так как на обработке земли была основана вся экономика древности (греч. *oikonomia* – рациональная организация индивидуального хозяйства). И в Греции, и в Риме четко прослеживается землевладельческая основа гражданского состояния. Это было государство, управляемое совладельцами общинного земельного фонда, поэтому полноправными гражданами считались коренные жители данной территории, владевшие на ней

земельным наделом. Однако в отличие от элементарной земледельческой общины, полис объединял, во-первых, не только сельских, но и городских жителей; во-вторых, как тех, кто жил доходами от собственного труда, так и тех, кто эксплуатировал чужой труд, сдавая свою землю в аренду, покупая рабов, ремесленную мастерскую, торговое судно и т. д. Но образцом достойного гражданина в полисном государстве всегда считался именно земледелец, в поте лица обрабатывавший доставшийся от предков надел. Социальной составляющей процесса стейтогенеза в Юго-Восточной Европе стала длительная борьба этих крестьян (в Греции – *демос*, в Риме – *плебс*) за свои экономические и политические права. В практическом плане это было гражданское противостояние (греч. *стасис*) наследственной родовой аристократии (*евпатридов* в афинском полисе, *патрициев* – в римской *цивитас*) и простого народа, главные требования которого сводились к отмене долгов, переделу земли, справедливому правосудию и доступу к власти. Итогом многочисленных реформ и законов, принятых в ходе этой межсословной борьбы, было то, что крестьяне стали, по словам Е. И. Штаерман, «полноправными и равноправными гражданами, владельцами земельных наделов, участниками народного ополчения и народного собрания, осуществлявшего высшую власть» [3, с. 15] Главный вывод автора – именно крестьяне-общинники создали широкую демосную демократию, самую передовую по меркам того времени. А если учесть, что вплоть до эпохи Нового времени прямая демократия так нигде в мире и не была воспроизведена, то и по меркам всемирной истории.

Полис (аналогично – *цивитас*) – община, но это была уже городская община, в которой сельская округа могла быть даже не заселена (обрабатывавшие поля крестьяне нередко тоже жили за городскими укреплениями). Полноправными ее членами считались только граждане-мужчины, являвшиеся воинами-ополченцами и землевладельцами. Отсюда и наиболее распространенное определение античного полиса как *городской гражданской общины*. По размерам территории и численности населения это было небольшое государственное образование (в новоевропейской традиции названное *городом-государством*), преобладавшее в Греции классического периода (V–IV вв. до н. э.) и в Риме эпохи республики (V–I вв. до н. э.). Сотни подобных политий было разбросано в Юго-Восточной Европе по долинам, побережьям и многочисленным островам. До возникновения державы Ал. Македонского (конец IV в. до н. э.), а затем Римской им-

перии (конец I в. до н. э.) в этом регионе не существовало крупных политических образований. Полис – высокоорганизованное сообщество, основанное не столько на географическом или этническом признаке, сколько на том, что Аристотель (IV в. до н. э.) назвал «желанием жить вместе». Платон (IV в. до н. э.) и Фукидид (V в. до н. э.) характеризуют полис именно как совместное поселение людей. Город, покинутый своими гражданами, не мог уже считаться государством, ибо, по словам Фукидида, «город – это люди, а не стены» [III, 77, 7]. Для самих греков полис – некое *единство*, воплощенное именно в их городе, управляемом собственными законами (греч. *автономия*), основная цель которых – утверждение в обществе равенства и справедливости. «Главной причиной крушения *политий* и *аристократий*, – пишет Аристотель, – является встречающиеся в самом их государственном строе отклонения от справедливости» [Политика. V, 6, 3].

Как самоуправляемая община граждан, полис имел характерные для всякой общинной структуры институты – собрание полноправных членов, совет и исполнительную власть в виде регулярно сменяемых общественных должностей, т. е. магистратов. Особенность же полиса как разновидности древнего государства заключалась в том, что это было выборное и коллегиальное управление, названное римлянами «общим достоянием» всех граждан (лат. *res publica*), а греками – *политией*. Аристотель трактует политику как умеренную демократию, которой он противопоставляет «крайнюю демократию», являвшуюся, по его словам, той же тиранией, только разделенной среди многих [Политика. V, 8, 18]. Сами термины «полис» и «цивитас» являются производными от слов *политес* и *цивис* в значении «согражданин», «сородич», «свой», «близкий». Отсюда и слово *цивилизация* – в изначальном смысле это сообщество «своих», сограждан, т. е. культурных людей, противопоставленных варварам. Но и в полисе, и в цивитас правами обладали, по утверждению Аристотеля, только те, «кто носит тяжелое оружие» [Афинская политика. II]. О том, что полноправными членами полисного государства считались только воины-ополченцы, свидетельствует официальное обращение к полисным гражданам – *гоплиты* (греч.) и *квириты* (лат.) в значении копьеносцы, тяжеловооруженные пехотинцы.

В условиях концентрации населения на небольшом пространстве города-государства управление в нем опиралось на непосредственную близость людей к власти, территориальная доступность которой делала возможным участие в жизни родной общины всех ее граждан. По-

этому именно *народное собрание* выступало здесь в роли верховного носителя государственного суверенитета, являясь источником власти и права. Оно обладало законодательными, судебными и контрольными функциями; посредством голосования избирало *магистратов*, делегируя им от имени всей общины властные полномочия. Специфика политической организации полиса заключалась в отсутствии постоянной администрации, а значит – отделенной от граждан системы управления и контроля. Магистраты избирались, как правило, на годичный срок только из граждан, и им же были подотчетны [4]. Античные мыслители трактовали *политию* и *республику* как особый образ управления, основанный на строго организованном распорядке общественных должностей. Действовал принцип привлечения к управлению всех полноправных граждан, но с учетом возрастного, а в аристократических республиках и имущественного цензов. Малоимущие граждане, как известно, специально поощрялись к исполнению своих гражданских обязанностей. С этой целью в полисе разрабатывались социальные программы типа *литургий* – своеобразного «налога» на богатых граждан. Разделение населения формирующегося полисного государства на имущественные (в Риме – *цензовые*) и сословные разряды и было сутью законодательства Солона в Аттике и Сервия Туллия в Риме (VI в. до н. э.). Именно в праве произошло закрепление как процесса институализации общественной жизни, так и градации граждан по разрядам (1-й цензовый разряд в Риме носил название *classis*, откуда и произошел сам термин *класс*). Самым оригинальным критерием такой классификации была, на наш взгляд, категория *гражданской чести*. В моральном плане – это личные достоинства гражданина, в содержательном – неразрывное единство и взаимообусловленность его прав и обязанностей. Определенная конфигурация сословий-разрядов, их место в системе власти и отличало в античности аристократию от демократии. В первых, говорит Аристотель, лишь немногие пользуются почетными правами, во вторых – большинство [Политика. V, 6, 1]. Таким образом, полития-республика в понимании мыслителей античности – это не только совокупность полноправных граждан, но и особый распорядок общественных должностей, базировавшийся на функциональных сословиях и имущественных разрядах.

Сама типология древних государств опиралась у античных авторов на форму организации в них верховной власти и в зависимости от того, кто являлся источником власти – монарх, народ или аристокра-

тия. При этом любая форма правления считалась тогда «правильной», если она согласовывалась с законностью и справедливостью, а главное – соответствовала *общей пользе*, или *общему благу*. Благо же понималось как справедливость, которая, в свою очередь, соотносилась с честным правосудием и честным распределением власти и почестей (но не материальным благ). Если монархия перерождалась в тиранию, демократия – в охлократию, т. е. власть толпы, а аристократия – в олигархию, то благо всех подменялось интересами или тирана, или охлоса, или узкой группы знати. В итоге республика становилась несвободной, «порабощенной». Наконец, внешние признаки самостоятельности полиса как государственного образования заключались в том, что в отношениях с союзниками он считался независимым и суверенным целым, а также выступал самостоятельным субъектом международных отношений. Своеобразие состояло в том, что в межгосударственных отношениях не существовало правового субъекта Афины или Спарта, таковыми были сами граждане, чем и объясняется название греческих городов-государств – полис афинян, полис спартиатов и т. п. Общеизвестно, что полисная *демократия* была хорошо осмыслена теоретически, детально разработана на практике и имела четкие терминологические обозначения: *isonomia* – личное управление гражданами своей общиной, *isokratia* – гражданское самоуправление, сам себя организующий *народ*. Из этого видно, что выработанный греками лексико-концепт *демократия* связан, прежде всего, с определенной формой власти. Уточним важное обстоятельство: когда мы говорим о демократии, акцент делается на общественной организации, а когда речь идет о формах правления – на особенностях политического устройства. В полисной общине в силу небольшой ее территории и немногочисленности населения имела место, как мы отметили выше, близость граждан к власти, а значит – возможность их личного участия в управлении. Впоследствии такая система власти будет названа *прямой демократией*, или непосредственным народоправством. Указанное обстоятельство делало возможным контроль за властью со стороны всего гражданского коллектива, что во многом способствовало сохранению самих демократических начал. Аристотель, главный наш источник по рассматриваемой проблеме, пишет: «Демократия обыкновенно определяется двумя признаками: сосредоточением верховной власти в руках большинства и свободой» [Политика. III, 6, 4; V, 7, 22]. Сразу же возникают такие вопросы: кто являлся в полисном государстве «большинством», как понимали древние

«свободу»? А поскольку в ряде мест своих трактатов Аристотель ставит знак равенства между «большинством» и гражданским коллективом, правомерно сформулировать еще одну проблему: что представляло собой гражданское общество античности?

Народ (греч. *laos, demos*; лат. *populus, plebs*) – собирательное положительное понятие, имевшее различное содержательное наполнение в разные исторические эпохи. В контексте нашего анализа первоочередной является проблема соотношения этой социальной категории с политико-правовым концептом *гражданин* (греч. *polites*, лат. *civis*). Именно в античности была выработана соответствующая терминологическая номенклатура обозначений как самого общества (греч. *koinonia*, лат. *socialitas*), так и его отдельных социальных групп. В полисном государстве представитель народа обладал определенными правами только как гражданин, выступавший носителем публичных и частных правомочий, закрепленных в праве. Именно внутреннее право полисной общины (лат. *ius civile*) организует, по убеждению древнеримских юристов, взаимодействие людей в обществе, превращая его в гражданское сообщество. Одно из основных значений латинского термина *ius* – правила человеческого общежития, основанного, по словам Э. Бенвениста, «либо на властной принудительности, либо на целесообразности следования предписанным нормам» [5, с. 299, 306]. При этом полноправные граждане составляли меньшинство среди населения полиса (в Афинах 30–40 тыс. граждан при общей численности населения в 250–300 тыс. человек). Это «меньшинство» может расцениваться и как *правлящая элита* (господствующий «класс»), и как публичная власть, отделенная от основной массы населения – переселенцев из других полисов, женщин, различных категорий зависимых и полузависимых лиц. Все эти политически бесправные люди являлись, по меткому замечанию Ю. В. Андреева, «приживалами античной демократии». Цицерон (I в. до н. э.), прекрасный знаток политико-правовых реалий своего времени, писал: «Государство есть достояние народа, но *народ* – не любое соединение людей, связанных между собой произвольно», а соединение многих людей, объединенных «согласием в вопросах права и общностью интересов» [Цицерон. О государстве. I, 25, 39]. Полисная община выступала в качестве своеобразной замкнутой касты, противопоставленной другим категориям населения и державшей в своих руках всю власть в государстве. Понятие *народ*, таким образом, имело в контек-

сте реалий античности более ограниченное, суженное содержание, нежели в современных национальных государствах.

В исторической традиции произошла универсализация понятия *демос* как сообщества цивилизованных людей, противопоставленных варварам. Отрицательно-оценочный социальный концепт *варвар*, изобретенный самими греками для обозначения чужаков, не говоривших по-гречески, превратился со временем в удобный и всем понятный языковой штамп. Относительно окружавшего островки цивилизации варварского массива и происходило, по мнению современных ученых, самоопределение членов интегрированной (вторичной) общины. Принадлежность к такой замкнутой корпорации, члены которой считали себя «друзьями» и «равными», и явилось предпосылкой формирования новой социальной общности. Именно община наделяла своих членов правами и обязанностями, что влекло установление между гражданами и полисом политико-правовых связей, характерных и для любого другого государства [6]. *Гражданское общество* на ранней стадии исторического процесса являлось общностью, солидарностью людей, сплачиваемых необходимостью противостоять внешней угрозе. Само слово *полис* восходит к корню со значением огороженное, защищенное пространство. «Общность оказывается тем самым замкнутой, – пишут В. И. Аршинов и Н. Г. Савичева, – самоидентифицируясь и самоутверждаясь на основе жесткой дихотомии “свой – чужой”» [7, с. 246]. Если же рассматривать гражданское общество европейской античности как социальный феномен, то его особенность состоит в активной общественной позиции его членов, которые лично, без какой-либо представительной системы, решали на сходах и собраниях (греч. *ekklesia*, лат. *comitium*) все насущные вопросы жизни родной общины. Принятие любых решений происходило путем непосредственного волеизъявления самих граждан.

Категория *гражданин* являлась новаторской для древности. Грек Аристотель называет гражданином того, кто «стоит в известных отношениях к государственной жизни» и «кто имеет полномочия в деле попечения о государственных делах» [Политика. III, 5–6]. Римлянин Цицерон определяет гражданское сообщество как объединение тех, кто связан между собой общими правами и законами [О Законах, I, 7, 23; О Государстве. VI, 13, 13]. В данном случае античные теоретики характеризуют гражданское сообщество как политико-правовой феномен. Аристотель перечисляет и важнейшие права полисного гражданина: возможность занимать общественные должности, принимать

участие в выборах магистратов, владеть на территории города недвижимостью, вступать в законный брак и совершать общественные жертвоприношения. В римской цивитас правоспособность гражданина в частно-правовой сфере состояла из статусов свободы, гражданства и семьи. Из сказанного видно, что исходное качество личности определялось в полисе по ее роли в межсемейном пространстве. «Человеком своего права», т. е. политически и юридически полноправным лицом, являлся в патриархальной семье только ее *домовладыка* (лат. *pater familiae*), который был и распорядителем фамильного имущества, и домашним судьей. Совокупность таких политически активных и юридически защищенных членов города-государства и составляла в европейской античности *koinonia politike* (греч.) и *societas civilis* (лат.) в значении *гражданское сообщество*. Внимание древних мыслителей и юристов к гражданственно-личностной стороне общественной жизни свидетельствует о том, что именно в полисном государстве произошла эмансипация политической личности как таковой: демократия в нем совпадала с гражданским обществом – в ту эпоху это были синонимичные понятия [8, с. 237–239].

Главными принципами функционирования античной демократии являлись *свобода слова* (греч. *исэгория*) и *равенство* полисных граждан в правах (греч. *исономия*). В условиях господства ораторской формы коммуникации основными инструментами принятия решений были публичные речи «за» и «против». Ораторы, по словам Т. В. Кудрявцевой, «вербализировали общепринятые представления о “желательном поведении”, содержащиеся как в писаных законах, так и в неписаном моральном кодексе <...> Своими речами они воспроизводили, а кое в чем корректировали идеологию афинской демократии» [9, с. 3]. В сфере политики практиковалось свободное состязание ораторов с возможностью высказывать любое мнение и не нести за него наказания, а также право выбора слушателями наиболее понятной и близкой им позиции. Но чтобы заставить слушать тысячи людей, надо было быть искусным трибуном (лат. *трибун* – защитник интересов плебса), а значит – получить соответствующее образование в сфере риторики и юриспруденции. Л. П. Маринович полагает, что «законы функционирования политической свободы слова следует искать в сфере профессиональных политиков, а не всего полисного коллектива граждан». Таким образом, политику в полисе уже определяли лидеры-профессионалы, «выступавшие огромной силой, интегрировавшей гражданский коллектив» и пресекавшие сво-

ей публичной деятельностью «возможность создания антидемократической элиты» [10, с. 44–47]. Хотя находились в полисе и такие вожди демоса, по-гречески *демагоги* (Аристотель ехидно называет их «льстецами народа»), единственной задачей которых было, «пользуясь доверием народа, достигнуть власти». С этой целью «они объявили себя ненавистниками богатых» [Политика. V, 4, 5; 9, 6]. Сам мыслитель придерживался мнения, что «и демократия, и олигархия немислимы без наличия состоятельных людей и народной массы» [V, 11]. Если же государство позволяет усилиться «обладателям больших состояний», то тут же «стремятся проявить наглость и корыстолюбие» [V, 6, 3]. Однако любое государственное устройство будет устойчивым, заключает Аристотель, если его опорой станут *средние граждане*, ибо «распри происходят, когда одна часть населения оказывается слишком бедной, а другая, напротив, слишком благоденствует» [V, 6, 2]. Сколь созвучны идеи Аристотеля нашему времени, свидетельствует публикация в одном из последних номеров журнала «Человек»: «Средний класс в современной России обеспечивает стабильность и предсказуемость политических и экономических процессов в стране», поскольку у этого класса отсутствуют «ярко выраженные протестные настроения и ориентации» [11].

Что касается *равенства* полисных граждан (греч. *isopoliteia*, *isonomia*), то соответствующие ему греческие термины имеют широкий смысловой спектр. Это и равное участие в управлении (в демократических полисах любой гражданин мог баллотироваться на общественные должности); и свобода слова, включая и право предложить законопроект или подвергнуть должностное лицо проверке (греч. *докимасия*); и возможность отвечать по закону, или самому стать членом суда присяжных. Принцип равенства происходит из развития в исторический период изначальных общинных принципов родства и «дружества», закрепленных со временем нормами внутриобщинного, т. е. гражданского права. Результатом реформ Солона, замечает М. В. Ильин, было распространение статуса «друзей» на весь демос, итогом чего и стало утверждение принципа равенства всех его представителей перед законом [12, с. 321–322]. Но у самих греческих авторов нет единства по этому вопросу. Одни из них утверждают, что это было *равенство по достоинству*, при котором предполагается справедливое распределение власти и почестей в зависимости от личных качеств гражданина и его заслуг перед обществом [Аристотель. Политика. V, 6, 3]. Ведь устойчивым государственным строем бывает

единственно такой, пишет Аристотель, при котором «осуществляется равенство в соответствии с достоинством и при котором каждый пользуется тем, что ему принадлежит» [V, 7, 21]. Другой подход к данному элементу античной демократии можно сформулировать так: *равенство по количеству*, при котором все граждане – и богатые и бедные – имеют равное право на участие в политической жизни и при котором «все должны получать доступ ко всему» [Политика. V, 5, 11]. Во втором случае мы имеем пример уравнительной идеи, происшедшей из общинных установок об изначальном равенстве всех членов общины. Именно с этим связано существование в полисе различного рода социальных программ и политической благотворительности – от раздачи беднейшим гражданам «зрелищных» жетонов (лат. *тессеры*) и строительства храмов до оснастки торговых флотилий с целью подвоза дешевого хлеба с варварской периферии. Сказанным объясняется понимание древними *свободы* (греч. *элеутерия*, лат. *либертас*). По Аристотелю, «свобода проявляется именно в отношении равенства», а равенство в свободе именуется, по его словам, справедливостью [V, 7, 22]. Однако не следует забывать, что полисное равенство было корпоративным равенством «своих», т. е. сограждан, оно не может быть, как замечает М. В. Ильин, «редуцировано до всенародности» [12, с. 322]. Таким образом, свобода индивида в обществе (здесь мы не затрагиваем социальный аспект свободы, т. е. отношение свободный–раб) реализуется через равенство всех граждан перед законом. Именно полисная демократия впервые провозгласила формальное равенство участников регулируемых правом отношений, т. е. одинаковый масштаб действия правовых норм. Хотя и в этом вопросе имеются мнения *pro* и *contra*. Платон, в частности, трактует свободу как возможность для народа делать все, что он захочет. «Своеволие, погубившее олигархию, – говорит философ, – еще сильнее поработает демократию...». Ведь излишняя свобода естественно должна приводить и частного человека, и город к рабству, причем «сильнейшее и жесточайшее рабство» происходит, как заключает Платон, «именно из демократии, т. е. из высочайшей свободы» [Платон. Политика, или Государство, VIII].

Жизнеспособность и востребованность опыта античной демократии во многом объясняется выработанными ею механизмами социальной регуляции, опиравшимися на определенные идеологические установки и законодательные акты. В афинском полисе уже во второй половине V в. до н. э. четко оформляется демократическая идеология,

главная цель которой – достижение стабильности в государстве. И Платон, и Аристотель, несмотря на разные подходы к проблеме государства, говорят о необходимости воспитания граждан в духе подчинения законам. Именно Платон четко сформулировал идею «*власти закона*», стоящего над различными общественными группами. В своих трактатах он открыто порицает несоблюдение гражданами принятых Советом и народом законов, практику их подмены *псефизмами* – скороспелыми решениями, так сказать, на злобу дня. Власть же хорошо подготовленного закона опирается на добровольное подчинение ему всех слоев общества, в основе такого подчинения – *гражданское согласие*. Мыслитель выступает принципиальным противником принуждения. Аристотель, ученик Платона, также считал, что достигнуть социального равновесия в обществе возможно при условии, «если граждане будут надлежащим образом воспитаны посредством законов» [Политика. I, 4, 6]. Однако «никакого блага не принесут самые полезные законы, – полагает он, – если граждане не будут приучены к государственному порядку и в его духе воспитаны» [V, 7, 20]. Самый известный «оппозиционер» своего времени Сократ также призывал своих сограждан «быть единомышленными, ведь без единения ни государство, ни домашнее хозяйство процветать не могут». А чтобы сохранить государственный строй от разрушений, Аристотель советует «предохранять его прежде всего от правонарушений» [5, 7, 1]. «Водворяя справедливость, – пишет историк Полибий (II в. до н. э.), – правосудие творит общее благо, а *благо* всех – смысл и цель всякого государства» [39, 16, 4]. Сквозной темой философских трактатов этих ярчайших мыслителей древности стала проблема Добра, Истины и Справедливости. Данные морально-этические категории, как и многие другие, были обожествлены в античности, отдельные из них имели иконографическое изображение. Атрибуты и иконография Справедливости (греч. *дикэ*, лат. *юстиция*) стали, как известно, юридической символикой современности.

Проблема соотношения «власти демоса» и «власти закона» является самой обсуждаемой и в современном антиковедении. Дело в том, что в конце V – первой половине IV в до н. э. в результате реформ произошло ограничение суверенитета демоса. В сущности, речь идет о формах модификации афинской демократии, эволюционировавшей в рамках классической эпохи от своего рода массовых митингов демоса по обсуждению и принятию решений к четко разработанным нормативам и процедурам функционирования важнейших полисных

институтов [13]. Поскольку политика тогда творилась в буквальном смысле на глазах у народа, *охлос* стал, по свидетельству Аристотеля, «господствовать над законами», а «своеволие более чем олигархию порабощает, по его мнению, демократию» [V, 8, 21]. Ситуацию обострили и внешние обстоятельства: в последней трети V в. до н. э. разразилась война между полисами-гигантами – Афинами и Спартой, так называемая Пелопоннесская война. Все это стало причиной политической нестабильности в Афинах, обернувшейся гражданскими смутами и олигархическими переворотами. Такие же процессы происходили и в Риме в период кризиса республики (I в. до н. э.), приведшие в итоге к установлению режима единоличной власти – *диктатуре* (греч. *тирания*). Именно в этот период в афинском полисе вырабатывается своеобразный «гражданский кодекс» поведения, главной задачей которого было достижение социального равновесия с целью преодоления внутренних конфликтов. По мнению ведущего западноевропейского антиковеда М. Х. Хансена, афинская демократия стала в это время более умеренной и стабильной, а верховным органом власти уже являлось не народное собрание, а *дикастерий*, т. е. судебная палата [14, с. 130–137].

В общеевропейской заочной дискуссии, проводившейся на страницах журнала «Вестник древней истории» (1989–1990 гг.) по вопросу времени возникновения и сущности полисного государства, была затронута и проблема взаимосвязи стейтогенеза и правообразования. В частности, было высказано мнение, что право и суд не могут существовать в безгосударственном обществе. Ведущий российский романист Е. М. Штаерман на это ответила: «И суд, и право в виде “варварских прав” существовали даже в обществах варваров», а в самом Риме «судебная процедура с присягой, поручительством, залогами, соблюдением точной буквы документа также не отличалась от «варварских судов» [15, с. 69]. Тем не менее из источников видно, что и греки, и римляне считали судебную деятельность одной из главных функций своего государства. Современные исследователи также уверены, что законодательная и судебная власть были развиты в полисе намного лучше исполнительной и военной. При этом постоянного аппарата принуждения и подавления ни в полисе, ни в *цивитас* не существовало. Полномочия по отправлению правосудия были распределены между главами патриархальных фамилий (семейный суд), народным собранием (главным образом в качестве апелляционной инстанции), судом присяжных (суд самих граждан, в Афинах – *Гелиэя*) и

магистратами, наделенными правом юрисдикции. Для судебных нужд издавалось множество законов, которые не только активно внедрялись в практику, но постоянно корректировались и обновлялись. Все это означает, что в античном обществе именно государство посредством создания судебной системы и издания законов санкционировало применение насилия со стороны частных лиц по отношению к подвластным, должникам, преступникам и рабам. Однако пытки граждан категорически запрещались, тем более нельзя было казнить кого-то из них без суда [Лисий. XXII, 2]. Что же касается самих понятий *принуждение* и *насилие*, то ученые выявляют их специфику относительно реалий древности. «Для раннего государства, – пишет Л. Е. Гринин, – характерна не столько монополия на применение силы, сколько *концентрация* законного применения силы», что могло выражаться как в установлении монополии государства на отдельные формы насилия, так и в запрете его отдельных видов (например, кровной мести) [16, с. 99]. Суд мог тогда являться частью административного аппарата: в союзнических Риму италийских общинах его отправляли *префекты*, а в провинциях, разбросанных по всему Средиземноморью, – *римские наместники*. Но в целом полисный суд уже выступал как самостоятельный контрольный и репрессивный орган, о чем свидетельствует хорошо разработанная система штрафных санкций и уголовных наказаний, т. е. принуждение и насилие носили *легитимный* характер. В клятве греческого судьи-присяжного содержатся такие слова: «Я буду подавать свой голос в соответствии с законами и постановлениями народа афинян и Совета пятисот. Я не окажу поддержку тирании или олигархии и, если кто-то попытается упразднить демократию афинян <...>, я не стану им подчиняться» [Демосфен. XXIV, 149].

Гласный же характер судопроизводства и связанных с ним процедур отражали демократические идеалы того времени. Из речей судебных ораторов видно, что число тяжб в полисе было велико и что граждане их боялись, равно как боялись игнорировать судебные заседания. При отсутствии следственных органов и официальных обвинителей (дефенсорная специализация греческих и римских ораторов носила частный характер) *иски* публичного характера принимались от любого гражданина, частные – только от самого потерпевшего. Нередко процессы инициировались доносчиками-доброхотами (греч. *сикофанты*, лат. *деляторы*), которые далеко не всегда руководствовались общественным благом. Зачастую они шантажировали своих состоятельных сограждан с целью получения материальной выгоды.

Так, Плутарх (I в. н. э.) в биографии Никия, известного афинского политика и богача, рассказывает, что избегая общения с доносчиками-шантажистами, он чурался общественных трапез (греч. *симпосумы*), приходил первым и уходил последним из Совета. А когда общественных дел не было, сидел дома взаперти (Плутарх. Никий, V). Комедиограф Аристофан (вторая половина V в. до н. э.) называет сикофантов «большими подлецами» и «любителями чужих дел», передавая отношение сограждан к этим антигероям афинской демократии. Т. В. Кудрявцева считает, что в каком-то смысле сикофанты были неразлучны с демократией; жертва же такого доброхота должна была, по ее словам, быть «решительно настроена и влиятельна, чтобы отжаться на открытый процесс против него» [17, с. 181–182]. Наиболее распространенными формами публичного процесса были в Афинах *остракофории*, т. е. процессы об изгнании врагов демократии, и рассмотрение *жалоб на противозаконие* (графэ параномон), когда проверялась законность готовящегося или уже принятого декрета. Выражаясь современным языком, эти меры были средством защиты «конституционного строя» афинского полиса и его демократических начал. Более того, любая критика в адрес властей подлежала, в соответствии с упоминавшимся выше негласным гражданским кодексом, проверке [18].

Подведем краткие итоги. История греко-римской античной цивилизации – уникальный пример децентрализованной политической системы, достигшей тем не менее высочайших результатов во всех областях своей жизнедеятельности. Может быть главным ее открытием следует считать полисную государственность, завещавшую последующим историческим эпохам три великих достижения: самоуправляемую городскую общину, практику прямого народоправства и институт гражданства. Полис – городская республика, имевшая в отличие от многих других государств древности и средневековья, особые систему власти, структуру общества и формы взаимосвязи индивида и общества. Это была община полноправных и равноправных граждан, в которой, во-первых, отсутствовала массовая эксплуатация рядовых ее членов и, во-вторых, политические институты и гражданское общество не были еще резко отделены друг от друга. Сама община как бы растворила внутри себя государственные функции, а ее члены выступали в качестве суверенного и правомочного в своих решениях коллектива. Говоря другими словами, греческий полис и римская *цивитас* – это гражданская община, конституировавшая себя в качестве

государства, построенного на демократических началах. Античные теоретики-мыслители понимали демократию как власть, идущую от граждан и коллективно осуществляемую гражданами, или сообществом равных; ее коренными принципами они считали самоуправление, верховенство закона, самостоятельную систему судопроизводства и политическое равенство граждан [19]. В целом античная демократия определяется следующими чертами. Во-первых, это выборная система управления, при которой сами граждане, избираясь поочередно в магистратские и судебные коллегии, управляли своим городом-государством; во-вторых, это решающая роль народного собрания, являвшегося главным источником и власти, и права; в-третьих, это участие всех граждан, независимо от их материального достатка, в общественной и политической жизни; в-четвертых, это гражданское общество, важнейшие институты которого были зафиксированы правом; наконец, в-пятых, это выработанный интеллектуальной традицией античности определенный комплекс идей и представлений.

Список использованной литературы

1. История Древнего Востока / под ред. В. И. Кузищина. – М.: Высшая школа, 1999. – С. 98–168; Хрестоматия по истории Древнего Востока, ч. I / под ред. М. А. Коростовцева и др. – М.: Высшая школа, 1980. – С. 146–243.
2. Васильев, Л. С. Протогосударство-цифдом как политическая структура / Л. С. Васильев // Народы Азии и Африки. – 1981. – № 6. – С. 157–175.
3. Штаерман, Е. М. История крестьянства в Древнем Риме / Е. М. Штаерман. – М.: Наука, 1996. – 197 с.
4. Смышляев, А. Л. Народ, власть, закон в позднереспубликанском Риме / А. Л. Смышляев // Вестник древней истории. – 2003. – № 3. – С. 46–60; Дементьева, В. В. Магистратская власть в Римской республике: содержание понятия *imperium* / В. В. Дементьева // Вестник древней истории. – 2005. – № 4. – С. 46–75.
5. Бенвенист, Э. Словарь индоевропейских социальных терминов / Э. Бенвенист; пер. с франц. – М.: Прогресс, 1995. – 453 с.
6. Тихомиров, Ю. А. Современное публичное право: монографический учебник / Ю. А. Тихомиров. – М.: ЭКСПО, 2008. – 446 с.
7. Аршинов, В. И. Гражданское общество в синергическом осмыслении / В. И. Аршинов, Н. Г. Савичева // Вызов познанию. Стратегии развития науки в современном мире / пер. с англ. – М.: Наука, 2004. – 475 с.
8. Бернет, М. Безгосударственный полис / М. Бернет // Альтернативные пути к цивилизации. – М.: Наука, 2000. – С. 235–287.
9. Кудрявцева, Т. В. Тяжущиеся на беме: речи и поведение сторон в афинском народном собрании / Т. В. Кудрявцева // Вестник древней истории. – 2008. – № 2. – С. 3–18.

10. *Маринович, Л. П.* Античная и современная демократия: новые подходы / Л. П. Маринович. – М.: ИВИ РАН, 2001. – 134 с.
11. *Бызов, Л. Г.* Социальный фундамент новой России / Л. Г. Бызов // Человек. – 2008. – № 2. – С. 28–36.
12. *Ильин, М. В.* Слова и смыслы. Опыт описания ключевых политических понятий / М. В. Ильин. – М.: РОССПЭН, 2004. – 431 с.
13. *Суриков, И. Е.* Новая концепция афинской истории IV в. до н. э. / И. Е. Суриков // Вестник древней истории. – 1996. – № 4. – С. 235–246.
14. *Hansen, M. H.* The Ancient Athenian and the Modern Liberal View of Liberty as a Democratic Ideal / M. H. Hansen // *Demokratia: a Conversation on Democracies, Ancient and Modern* / Ed by J. Ober and C. Hedruk. – Princeton. – 1996. – 671 с.
15. *Штаерман, Е. М.* К итогам дискуссии о римском государстве / Е. М. Штаерман // Вестник древней истории. – 1990. – № 3. – С. 68–75.
16. *Гринин, Л. Е.* Государство и исторический процесс: от раннего государства к зрелому / Л. Е. Гринин. – М.: URSS, 2007. – 363 с.
17. *Кудрявцева, Т. В.* Сикофанты и афинская демократия / Т. В. Кудрявцева // Вестник древней истории. – 2006. – № 2. – С. 174–184.
18. *Карпюк, С. Г.* Роль толпы в политической жизни архаической и классической Греции / С. Г. Карпюк // Вестник древней истории. – 2000. – № 3. – С. 3–35.
19. Аристотель. Политика. Афинская политика / Аристотель. – М.: Мысль, 1997. – 459 с.; Демосфен. Речи: в 3-х т. / Демосфен. – Т. I: – М.: Памятники исторической мысли, 1994. – 390 с.; Ораторы Греции / сост. и науч. подготовка текстов М. Гаспарова. – М.: Художественная литература, 1985. – 495 с.; Платон. Политика. Наука об управлении государством / Платон, Аристотель. – М.: ЭКСМО; СПб.: TERRA FANTASTICA, 2003. – 860 с.; Плутарх. Сравнительные жизнеописания: в 3-х т. / Плутарх. – Т. I: – М.: АН СССР, 1961. – 503 с.; Фукидид. История / Фукидид; изд. подг. Я. М. Боровский. – Л.: Наука, 1981. – 542 с.; Цицерон. Диалоги: О государстве. – О законах / Цицерон. – М.: Наука, 1966. – 223 с.